

МУЗЫКАЛЬНЫЙ КЛУБ «638»

2. ЛЮДИ В ШТАТСКОМ

И завертелось. Общая «любовь» ко мне объединила Войтенко и моего старого знакомого журналиста Юрия Филинова. Юра к тому времени организовал целую серию «разоблачений», мое имя гремело на весь Союз. А тут еще инцидент в Чите. Там собственный корреспондент «Комсомолки» Вишневский переквалифицировался в «сыщика» и устроил бучу в аэропорту. Пока я бегал по поликлиникам, Вишневский успел тиснуть статью, из которой явствовало, что дети из моего ансамбля избили... читинскую милицию.

Стоило бы рассказать и этот детективный сюжет — когда-нибудь в этом, возможно, и будет надобность, но, поскольку дело прошлое, ограничусь беглым упоминанием, что оно закончилось вничью. Мне хотелось судиться с милицией, поскольку она и сама стала жертвой провокации со стороны все того же собора Вишневского. Надеюсь, в Чите были рады такому исходу и станут критичнее относиться к призывам «тащить и не пущать» «Ласкового мая».

Но тогда, в июле, настроение у меня было паршивое. Ярлык хулигана наклеили крепкий. И тут Войтенко объединился с Филиновым. Я говорю об этом в переносном смысле. Возможно, они даже не знакомы. Но был один человек, связавший журналиста, проникшего ко мне совершенно непонятной яростью, и юного интригана-нувориша из молодежного центра при Всесоюзном фонде милосердия и здоровья. Фамилия этого человека Виденкин. С ним связана еще более детективная история, заслуживающая пера Джеймса Хейза.

В один прекрасный день в дирекцию спорткомплекса «Олимпийский», где должен был выступать «Ласковый май», пришли двое молодых мужчин. Один, изящный бородач, был хорошо известен дирекции — журналист Юрий Филинов. Другой отрекотендовался простенько, но со вкусом:

— Старший лейтенант Воинов. Следователь. Военная прокуратура СССР.

— Чем можем помочь?
— Дело в том, что я веду расследование крупного государственного преступления. Основной фигурант дела — Андрей Разин.

— ?!
— Не удивляйтесь. Следствие располагает неопровержимыми уликами. Через несколько дней будем брать. А пока прошу снять концерты «Ласкового мая».

Если бы на дворе стоял 1937 год, требование «чекиста» было бы незамедлительно выполнено. Но на пятый год перестройки один из директоров «Олимпийского» все же рискнул поинтересоваться, кто будет платить дворцу неустойку: вся прокуратура или лично товарищ следователь? Вместо сколько-нибудь внятного ответа сыщик дуэт молча ретировался, оставив директора комплекса В. Чурилина и Э. Мешковича в большом недоумении.

Когда мне рассказали об этом визите, я сразу понял, что добывание информации обо мне поставлено на серьезную профессиональную и уже не только журналистскую основу. Иначе как бы было добираться аж до детских домов в глухомани Ставропольского края и получить на руки документы времен моей ясельной жизни, чтобы предъявить их всему честному народу во «Взгляде»?

Но кто же такой следователь Воинов? (Потом выяснилось, что он все-таки Виденкин).

Продолжение. Начало см. «Комсомольская знамя» за 1 апреля с. г.

Долго мучиться догадками не пришлось. Скоро он сам пожаловал ко мне, представился. Завязался занятый разговор.

— Знаешь, Андрей, — доверительно сказал он, — в нашей «конторе» на тебя двухметровое досье. Где, когда, зачем... и все такое прочее. Ты под колпаком. Но есть хорошая возможность быть на плаву. Будем... сотрудничать. Для начала я тебе сообщу, что в твою команду крупнейшей мафией внедрен человек

ма, громкое разоблачение.

Я был на гастролях и позвонил домой. Ответила рыдающая теща:

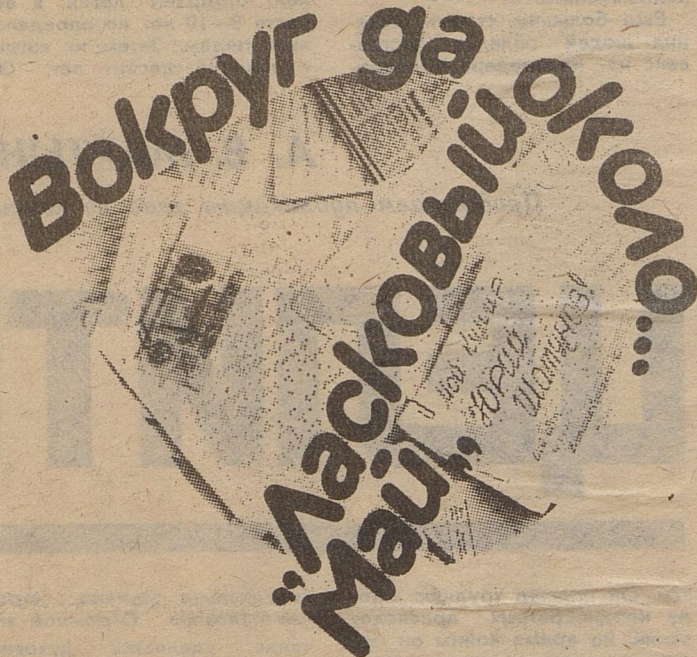
— Андрей! Срочно приезжай. У нас был обыск. Искали оружие, драгоценности и наркотики. Забрали все твои джинсы. Короче — ужас!

Я помчался домой. Картина, что и говорить, была тяжелейшая. Весь дом пропах корвалолом. Оказывается, в лучших традициях НКВД в дверь позвонили, а потом вбежали несколько работников мили-

в его жизни интересную роль — Олегу Николаевичу настолько понравилось быть богатым, что он забросил учение Маркса и завалил экзамены в ВКШ. Войтенко решил стать менеджером и возглавить... «Ласковый май». Под его знамена ринулись Костя Пахомов и Сережа Серков.

На Сережу я не обижаюсь — безотцовщина, нелегкий характер, его поманили, он и пошел. А вот с Костей дело посложнее. С ним я намучился. Он из обеспеченной се-

Позиция Андрея Разина

мьи, заласкан, считает себя почти что Майклом Джексонсом. В коллективе ребята-детдомовцы его не любили. Пришлось гасить конфликты. Но расставаться не хотелось.

Даже после того, как Костя украл у барабанщика Сережи Ленюка деньги, я отстранил Сережу, но оставил Костю. Он к тому времени был уже «звездой». Окончив школу, он заявил, что хочет работать самостоятельно. Я не препятствовал. Вольному воля.

Но Костя начал «самостоятельность» с телевизионных разоблачений. Сначала я обиделся, но потом понял, что парень не такой уж простой. Он усек, что без «Ласкового мая» ему ничего не светит, а брань в мою сторону вызовет к нему интерес.

Поняв это, я успокоился. Пусть ругается. Ведь если он замолкнет, его забудут. А дело идет к тому, что скоро ему в армию. Двухгодичный антракт может поставить на его славе крест. Вот и тянет продержаться хотя бы этим. Так что я совсем не против его дальнейших «разоблачений». Я понимаю Костино положение: быть на виду — любыми средствами.

Но это сейчас. А тогда, не скрою, страдал, включая радио или телевизор. Про меня, про наш «Ласковый май» с завидным напором распространялось такое, что миллион подросткам, не говоря уже о взрослых, казалось бы, не оставалось ничего иного, как только возненавидеть нас и навсегда от нас отвернуться. А тут еще подлила масла в огонь газета «Социалистическая индустрия». Это был просто-таки настоящий кроссворд.

Получилось, как в старом анекдоте про шубу. Либо я украл, либо у меня украли, но что-то произошло...

А тут еще новость. Помните, я упоминал фамилию Грозина? Прямо на концерте появился Войтенко, элегантно жестом указав на него, и работники милиции, не церемонясь, арестовали Грозина.

Что делать?

И в эту минуту ко мне, как ангел, явился Виденкин.

— Ну, что, я тебе говорил? Фирма веников не вяжет. Не хотел меня слушать — теперь расхлебывай. Олечка прибрал к рукам твой «Ласковый май» и уже бороздит просторы, Филинов «опознал» на очной ставке Грозина, тебе шьют расстрельное дело. Телевидение тебя доконает. Но не дрейфь. Всегда есть выход.

— Какой? — с надеждой вскричал я.

— Отстегивайшь мне сто тысяч, а остальное гарантирую. Филинов о тебе больше ничего плохого писать не будет. Орлов твоих выпустит на свободу. Дело замнут. Пой себе на здоровье, весели православных...

(Продолжение следует).

по фамилии Грозин. Он из Иркутска и имел отношение к побегу семьи Овечкиных. Он избил Филинова, потом убьет и ограбит тебя. Будем с ним «работать»...

Мне стало плохо. Первое, что подумал: видать, мой собеседник сбежал из сумасшедшего дома. Но я тут же прозрел: этот визит и трогательно навязываемая дружба скорее всего обойдутся мне в копеечку. Очень уж бегали глазки у очередного моего благодетеля, когда речь в беседе заходила о творческих гонимых в ансамбле.

А он меж тем развернулся вояко. Что ни день, проводил тайные собеседования с ребятами из «Ласкового мая», брал объяснительные от всех, кто когда-нибудь был знаком со мной. При этом Виденкин весело приговаривал:

— Ништяк, Андрюха, всех врагов разоблачим!

С Войтенко у него установились очень душевные отношения. А после того, как я отказался Олегу платить и потребовал выполнения договорных обязательств, они стали ходить чуть ли не в обнимочку. Думаю, что не без помощи Виденкина и составил обвинительный Войтенко доклад в прокуратуру Дзержинского района г. Москвы. Составлен он был по всем правилам и произвел там впечатление колоссальное. Войтенко написал, что Разин, получая творческие гонимые, не выплачивал с них подоходного налога. По самой примитивной арифметике и то получалась астрономическая сумма. Конечно, если бы в прокуратуре с самого начала озабочились поинтересоваться, кто обязан отчислять подоходный налог, то выяснилось бы, что в обязанности непосредственного артиста это не входит. И «дело» лопнуло бы сразу. Но Войтенко поверили, наверное, не обошлось тут и без Виденкина. Завораживающая сум-

ции с резиновыми палками и «макаровыми» на изготовку:

— Ваш зять опасный преступник!

Тесть попробовал что-то выкнуты. Но его быстро отнесли в угол и прижали к стене. Бравые милиционеры не приняли во внимание, что тесть — венгерский гражданин, ответственный работник СВБ. Хотя, что им какие-то там права или правила, коль скоро поставлена боевая задача найти в квартире ни много ни мало — миллион. Тесть потом сказал: «Я вижу, что перестройка у вас еще продлится очень долго».

Мне было не до сентенций. Обыски прошли у моих сотрудников (позднее — прокуратура Москвы приносила официальные извинения за чрезмерную резвость следователя Шерешовца и дерзкую отвагу его подчиненных), но этим дело не кончилось. Меня вызвали на допрос. Через каждые пять минут Шерешовец хватался за телефонную трубку и кричал:

— Посажу! Ты у меня полгода сидеть будешь! Из этого кабинета прямой путь в Матросскую тишину.

Я сознавал, что угрозы были не совсем уж блефом. Ведь в уготованное мне заведение уже водворили двух моих администраторов — Андрея Фомина и Рашида Дарабаева. Почему, за что?

На эти вопросы Шерешовец отвечал с похвальной лаконичностью:

— Сядешь — узнаешь.

На душе скребли кошки. А тут еще поднесло сюрприз родное телевидение.

3. ДЕЛА ТЕЛЕВИЗИОННЫЕ

Впрочем, по порядку. Оказывается, пока я ходил на допросы, Олег Войтенко плел на комсомольское образование, махнул рукой на перспективу сделать функционерскую карьеру по части политической (хапнутые от «Ласкового мая» деньги сыграли